
ЗАМЕТКИ О КНИГАХ, РЕЦЕНЗИИ

А.В. Хомич

Донской государственный технический университет

г. Ростов-на-Дону, Россия

khomich@mail.ru

ДИЛЕТАНТИЗМ С ПОЗИЦИИ СОЛОМИНА-ПИГРОВА-СУЛТАНОВА

Рецензия на статью: *Соломин В.П., Пигров К.С., Султанов К.В.*

Дилетантизм как проблема новоевропейской цивилизации //

Общество. Среда. Развитие. 2015. № 4.

Утверждается невозможность однозначной морализаторской оценки дилетантизма, но в работе имеется оценочный компонент (что будет доказано). Трудность в том, что понятие «дилетантизм» и стоящий за ним феномен актуализируются в сознании уже ценностно окрашенными. Видимо, осознавая это, задачей статьи авторы объявили «аналитику методологических подходов к осмыслению дилетантизма...». Под этой осторожной вывеской подразумевались и причины явления, и его генезис, и его оценка. Но дилетантизм описан как нечто содержательно очевидное, не требующее дефиниции. Поэтому обсуждение и коснулось всех перечисленных аспектов, кроме *существа дела*. Речь шла фактически об обыденном понятии с неопределенным содержанием, а посему статью следует считать полемической.

В кратком изложении позиция авторов такова. 1. Профессионализм (специализация) – естественная ценность новоевропейской цивилизации, не полностью достижимая в силу человеческого фактора. 2. Дилетантизм понят как противоположность профессионализма и представлен как иррациональный компонент деятельности. 3. Усматривается архаическое происхождение дилетантизма (аналогия с инициацией, роли шута и жреца). 4. Эту позицию развивают в рассуждении (русская «неприкрепленность», негритюд) о том, что ценности цивили-

лизации не атрибутивны по отношению к человечности. 5. Лейтмотив статьи: «Дилетантизм» понимается как удобный эвфемизм для обобщения всего противоположного ценностям новоевропейской цивилизации. Ценность профессионализма, при выходе за ее пределы будет как-то преодолена. 6. Итоговый вывод: в ценностях и трудовых установках новоевропейской цивилизации дилетантизм воспринимается негативно, но его наличием обеспечивается сама возможность развития цивилизации, что позволяет оценивать его амбивалентно.

Коснемся лишь тех тезисов авторов, которые наиболее сомнительны или допускают неучтенные следствия.

1. Производство – основная примета новоевропейской цивилизации; индивид идентифицируется через отношение к нему; трудовые ценности связаны с разведением личностного и профессионального; профессионализм становится «одним из наиболее существенных аксиологических универсалий» [2, с. 68]. Налицо подмена предмета: профессионализм вначале понимается как «делать одно дело», в конце – как «делать его хорошо». Авторы, все же, правы, имея в виду, что ценность эта *навязана* цивилизацией, но отвергается людьми, что механически увеличивает значение личностного (как бывает и с дилетантом).

2. Рассуждение о ситуациях успеха дилетантской деятельности. Их две: новые профессии и устаревание профессиональных знаний. При повышении квалификации, как способе их обновления, остается патерналистская установка; авторы желают сменить ее на самостоятельность, рассматривая «самообразование как творчество». Утверждается, что «с дилетантизмом мы встречаемся всегда, когда выходим за рамки решения стереотипных алгоритмизированных задач». И здесь же: «инновационная деятельность... всегда «дилетантска», она осуществляется *по модели неумелого труда*, включающей стратегию проб и ошибок» [2, с. 70].

К этому рассуждению есть претензии. Во-первых, это не *разные* ситуации: первая – нижний предельный случай второй, если не вовсе вымышлена: новая профессия определяется общественной потребностью и не возникает дискретно. Вначале она осуществляется представителями прежних профессий, пока новое знание не сложится в цельную систему – базу новой профессии. Во-вторых, суть самообразования – достижение должного уровня объективных знаний по легитимным схемам. *Творчество* здесь состоит в субъективной интерпретации сведений и их комбинировании, но по логически кор-

ректным правилам (как и творчество научное). Если же *знания необъективны* или *схемы нелегитимны*, то лишь тогда это дилетантизм, который, таким образом, творчеству скорее противоположен, чем сходен с ним. Сходство остается лишь в мотивации (нонконформизм). В-третьих, дилетантизм понят («модель неумелого труда») как *осознанное незнание*, но это адекватная оценка ситуации, а не дилетантизм, который есть *иллюзия достаточности знаний*. В-четвертых, представления о научной деятельности перенесены на деятельность практическую, каковая не обязана давать приращение знания. Если же иметь в виду собственную познавательную активность профессионала, то тезис авторов сохраняет силу и приводит к любопытному выводу. Профессионализм, совершенствуемый самим индивидом, содержит область произвольного знания, которая, в его глазах, обеспечивает наилучшую эффективность деятельности¹. Оценивается эта закрытая область и извне: что дает на выходе? Добавлю, что *различие в генезисе и содержании этих областей у дилетанта и профессионала и будет составлять предмет исследования дилетантизма*, наряду с очевидным сопоставлением областей их формальной компетентности. Дилетантизм будет понят в двух смыслах: как *неоптимизированная деятельность* и как *когнитивный стиль*.

3. Авторы пользуются словом «неприкрепленность», которая есть: «эвфемизм для указания на «дилетантичность» нации, не вполне включившейся в новоевропейскую цивилизацию». Тогда: «Национальная неприкрепленность... как ценность, ставит проблему таким образом, что цивилизованность... не является базовым конституирующим человечность фактором» [2, с. 71]. Этот тезис следует признать *условным*, во-первых, буквально: он справедлив при согласии с приведенными примерами. Во-вторых, *дилетантичность* понята здесь как маргинальность, но дилетантизм к ней не сводится. Маргинальность – одна из его социальных оценок, или его возможных мотивов (нонконформизм), но ни то, ни другое даже не затрагивает *содержания* дилетантизма. В-третьих, если профессионализм понимается в значении: *алгоритмизированная безличная функциональность*, то она наблюдалась² и вне ситуаций разделения труда. Все же с этим тезисом – квинтэссенцией экзистенциализма – можно согласиться в оценке гуманистической значимости цивилизованности.

¹Возможно, в понятийном отношении такая область – то же, что «личностное знание».

²Даже в творческих видах деятельности. Достаточно вспомнить об остатках вспомогательных сеток в древнеегипетских гробницах, по которым художник воспроизводил строго канонизированные изображения.

4. Рассуждение о снятии противоположности профессионала и дилетанта путем мастерства («концепт мастера»). Согласно авторам, мастерство соединяет рациональную уверенность со *спонтанностью*, которую они неудачно описали как «безумный, отчаянный, подчас мистический порыв», тем самым, отказывая дилетанту (а косвенно и мастеру) в разумности. Возразим, что дилетант *не иррационален* (лишь выглядит таким с экспертной позиции), а руководствуется *иной* рациональностью, в которой *почитаемое за факты* выстраивается в *желательный* узор. Но узор составляется по обычным мыслительным правилам, хотя и произвольно взятым. Сомнительно и понимание авторами «мастерства». Модели (*рациональная уверенность + спонтанность*) можно противопоставить другую: *уверенность, вызванная сочетанием знаний с опытом их применения*, где уверенность есть следствие, а не причина, и происходит оттого, что большее число ситуаций мастер, в силу опыта, *не считает проблемными*. Что *выглядит* спонтанностью – то для мастера будет свободой осознанного выбора, а значит спонтанность можно вывести из состава мастерства. Авторы далее справедливо (это верно при любой модели) отмечают: «институты... публичного образования могут гарантировать профессионализм, но не могут гарантировать мастерства» [2, с. 71]. Худо лишь то, что такая невозможность возникает у них в силу трансцендентности источника мастерства, а не от недостатка опыта учащегося.

5. Упоминается дилетантизм в искусстве, которому отводят место под двумя предлогами: а) творчество плохо уживается со стереотипами, как инструментом профессионализма; б) дилетант нужен искусству как реципиент произведения.

Дилетантизм понимается в случае «а» как нонконформизм, а в случае «б» как невежество. Авторы смешивают процесс *создания* произведения с процессом его *восприятия*, то есть *рациональное с эмоциональным*. Разовьем их пример: актер-любитель может добиться взлета, но за счет иных, чем профессионал, средств. Он может *не знать* об этих средствах или *не признавать* их. Очевидно, что обоснованно отвергать можно лишь *известное*, а тогда это уже не дилетант.

6. На примере профессии «связи с общественностью» утверждается, что профессионализм в некоторых областях «должен быть профессионализмом особого типа» [2, с. 72]. Но авторы не решаются *описать* этот тип, хотя по настроению статьи ясно, что мыслится он в симбиозе алгоритма и спонтанности.

Задача статьи – «аналитика методологических подходов к осмыслению дилетантизма...» – выполнена частично: «дилетантизм» авторами не определен, и по контексту близок к *иррациональности*, к *маргинальности*, к *личностному знанию*, к *коллективному бессознательному*, к *методологическому анархизму*. Чрезмерно расширен и предмет исследования («дилетантность» нации). Профессионализм понят авторами как антипод дилетантизма, как деятельность по воспроизводству прежних результатов, в рамках алгоритма. Психологически такой «профессионализм» близок к «выученной беспомощности», и похож на профессиональную деформацию. Авторы, впрочем, осознают, что дилетантизм и профессионализм, взятые изолированно, приведут к метафизичности их изучения. В свое время, это хорошо показал Герцен¹ [3], обнаружив общие мотивы дилетанта и цехового ученого, сходного с «профессионалами» в этой статье. Такое осознание заметно в «концепте мастера»: мастерство – иррациональная способность к нешаблонным решениям, полученная от «трансцендентных сил». Но иррациональность этой способности не доказана, ее можно оспорить и привести контрпримеры². Поэтому сомнительно и заключение: «в мастерстве налицо установка на синтез достижений традиционной и новоевропейской цивилизаций». Возникает и неприятное следствие: *способности* не предмет общей психологии, а вопрос веры, что ограничивает их изучение эмпирикой, неоправданно расширяет область трансцендентного.

В качестве рационального (чему можно научить) авторы мыслят лишь выразимое через алгоритм. Это *верно*, но *по другим причинам*. В самом деле: профессиональные действия по изучению или преобразованию *чего-либо* диктуются алгоритмом, составленным *в терминах объекта*. Нестандартная же ситуация выводит вопрос в иное логическое пространство, где добавляется *независимая координата «субъект»* – отношение деятеля к ситуации, его степени свободы. Указаниями, относящимися к объекту теперь нельзя описать поведение субъекта, иначе оно выразится через объект, а это и есть алгоритм. Эта преграда, пожалуй, и остановила авторов. Но, во-первых, почему надо считать «субъектную координату» неисповедимой? Не дань ли это гипнотизму герменевтики? Во-вторых, нестандартная ситуация заставляет смотреть на объект *сложнее*: с учетом его связей, представленных в сознании

¹См. непосредственно первоисточник.

²Возьмем один пример, но бьющий в десятку. Это новелла Чинтио о Микеланджело и его ученике [3, с. 498] (Джамбаттиста Джиральди Чинтио 1504–1573 – ученый-гуманист, секретарь при герцоге Эрколе II д’Эсте.).

(включая и аналогии), или помещая его в иной предметной плоскости. Но тогда уже нельзя говорить об отсутствии алгоритма, ибо в работу включается «метаалгоритм», неустранимый даже там, где действуют наощупь, «пробами и ошибками». Ведь не во сне же *пробуют!* Но это и значит, что искомое мастерство располагает более сложным «метаалгоритмом», позволяет включать объект в большее число связей, чем это видится со стороны. Путаницу влечет неопределенность «профессионализма» как термина: он понимается, то как узкая специализация, то почти как таинство, а должен бы – как специализация на более высоком уровне, методология которого «снизу» выглядит спонтанностью. В том-то, полагаю, и должен состоять подлинный профессионализм, что он не прячется за редуты из учебников, а может разрешать потенциально возможные ситуации, обязан различать действительное, возможное и невозможное и маневрировать в возможном. С учетом аллегии мастера, авторы, конечно, видят трудности в привитии студенту таких умений, хотя для этого есть методы деловой игры, кейс-методы и т.п., формирующие *навык эмиссии знаний в практику*. Здесь и проявится «субъектная координата» (эрудиция, мотивация, уверенность, конформность, стиль мышления). Вопрос – в возможности их рационализации, хотя зачастую и апостериорной, но это – предмет *психологии творчества*.

Аллегория мастера возникает у авторов, по всей видимости, из-за ошибочного хода рассуждения, который можно реконструировать:

1. *Если профессионализм организован, структурирован, рационален, объективен, то дилетантизм стихиеен, аморфен, иррационален, субъективен (он должен быть таким, чтобы служить антиподом профессионализму; но этим характеристикам соответствует не дилетантизм, а сон, бред, лунатизм).*
2. *Профессионализм несовершенен, решает только типовые ситуации (но это терминологическая подмена: подразумевалась «специализация»).*
3. *Профессионализм избавится от несовершенства, приобретя черты дилетантизма (методологическую свободу). Но тогда:*

Профессионализм = профессионализм + дилетантизм => дилетантизм = 0.

Вот это самое «уравнение» и парализует волю, а ее место заступает призрак «трансцендентного источника» мастерства и заносит свою метафизическую косу над целой научной дисциплиной – психологией творчества.

Заметим и то, что коль скоро содержание понятия «дилетантизм» осталось невыясненным, его противопоставление профессионализму могло быть сделано только в социально-оценочном аспекте. Возьмемся извлечь его из контекста:

В статье отрицательные коннотации (около 30) по количеству вдвое превышают нейтральные (около 15) и втрое положительные (8). Отрицательные коннотации распались на *оценки* и *действия и отношения* (возникающие в связи с данным феноменом):

Таблица 1

Смысловые связи слов «дилетантизм», «дилетант», «дилетантичность» в тексте статьи			
Нейтральные	Позитивные	Негативные	
		оценки	действия и отношения
бескорыстие (<i>не нужны деньги</i>), не профессия, отсутствие знаний, инициатива	свобода, самореализация, активность, творчество	страстность, глупость (<i>дурак</i>), легкомыслие, беспомощность, безумие, отчаяние, мистический (<i>порыв</i>), шут, маргинал, низы (<i>общества</i>), жалкий, наглый (<i>Терсит</i>), незаконный	оценить отрицательно, борьба (<i>с дилетантизмом</i>), проблема, сложность, покушается, заболевание, вынуждены терпеть, «вирусы дилетантизма»

Видим, что: 1. *Нейтральными* были признаки, касающиеся сути дилетантизма, но они (кроме «инициативы») выведены через *отрицание свойства* и социально нагружены. 2. Позитивные коннотации целиком относятся к индивидуально-личностной сфере. 3. «Оценками» оказывались интеллектуальные и волевые характеристики *в значении социальных ярлыков*. 4. Связи, названные «действия и отношения», свидетельствуют об ощущении угрозы со стороны дилетанта.

Таким образом, использованные авторами эпитеты вполне выражают стереотип отношения к дилетантизму: его позитивные признаки связываются с пользой, *но для дилетанта*, а негативные – с вредом, *но для общества*. Иначе говоря, дилетант обществу *противопоставлен*, его вынуждены терпеть. А уже из этого следует рационализация того, почему терпеть его все-таки стоит. Однако коль скоро общество содержит в себе элементы, кажущиеся неудобоваримыми, а на протяжении трех столетий *таки не вывело их из организма*, значит они – часть его самого. Впрочем, этот вывод асимптотически сходится с общим выводом авторов статьи, хотя и делается из иных оснований, представляющихся мне менее предвзятыми: *мы вовсе не терпим диле-*

тантизм из толерантности, или допуская его возможную полезность, а он – наша собственная природа, как левая рука, по отношению к правой (а еще точнее – как правое полушарие по отношению к левому).

Статья обнажает стремления авторов охватить взором цивилизацию Нового времени вплоть до наших дней – в надежде усмотреть новый вектор ее развития. Индивидуалистские ценности, занявшие в XX веке прочное место, проявляются в культуре постмодерна в форме децентристских тенденций. (Человечество уже разочаровалось в них, но не решается в этом сознаться). В противовес им мы постоянно наблюдаем в разных завуалированных видах иную тенденцию – ностальгическое стремление к общечеловеческому единению, к удержанию ценностей рационализма, к прорыву в новую реальность, которая (обязательно диалектически!) соединит индивидуалистские и коллективистские ценности и выдвинет соответствующие им цели. Такое желание очень естественно для нашего времени, и авторы статьи явились его открытыми выразителями.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Итальянская новелла Возрождения. М., 1957.
2. *Соломин В.П., Пигров К.С., Султанов К.В.* Дилетантизм как проблема новоевропейской цивилизации // *Общество. Среда. Развитие.* 2015. № 4.
3. *Хомич А.В.* Обоснование оригинального направления в исследовании науки в статьях А.И. Герцена «Дилетантизм в науке» // *Гуманитарные и социальные науки.* 2015. № 3.

R E F E R E N C E S

1. Italian novel of the Renaissance. M., 1957.
2. *Solomin V.P., Pigrov K.S., Sultanov K.V.* Dilettantism as a problem of the New-European civilization // *Society. Sphere. Development.* 2015. No 4.
3. *Khomich A.V.* Substantiation of the original direction in the study of science in the articles of A.I. Herzen "Dilettantism in Science" // *Humanities and Social Sciences.* 2015. No 3.

14 ноября 2017 г.